

Мысли о скульптуре

Для меня творчество, как я его сейчас понимаю, началось очень поздно, примерно лет через пятнадцать после окончания художественного института. Все эти годы у меня была мучительная неудовлетворенность тем, что я делаю, борьба с рабским отношением к натуре, которое мне внушили очень рано. И дело не в господстве соцреализма и некоторых известных идеологических понятий, дело было в ложных профессиональных установках и ошибочной шкале ценностей в искусстве. Очень медленно я стал понимать, что критерием качества скульптуры не может быть ее соответствие натуре, поскольку художник должен создавать другой мир, который называется миром художника, и чем больше он отличается от пластики, существующей в реальности, тем выше его ценность.

* * *

Очевидно, главной движущей силой искусства является желание поделиться с другими тем, что ты узнал нового, до сих пор неизвестного. Когда это желание приобретает форму навязчивой идеи, и ты уже не можешь это держать в себе, тогда и наступает момент творчества. Необходимо увидеть мир своими глазами, пересмотреть сложившуюся точку зрения на те или иные явления, предметы, события. Эмоциональное восприятие мира художником будет интересно, если оно не совпадает с мнением большинства, хотя тут есть большое поле для спекуляций.

* * *

Большое влияние на меня оказало искусство древнерусских мастеров скульптуры, греческая архаика. Это искусство наполнено первозданным ощущением ясности и простоты предметов и форм, а с другой стороны, в нем есть желание увидеть мир очищенным от суеты, сделать его прекрасным и гармоничным. В этом смысле для меня греческая архаика и русский лубок — явления одного порядка. Когда я смотрю на древние статуи или на наших скифских баб, меня охватывает восторг от ощущения ясности формы и чистоты помыслов их создателей.

Конечно, не все разделяют со мной этот восторг, и тут возникает вопрос: для какого зрителя создается произведение искусства? Уверен, что для древних мастеров этот вопрос не существовал, все, что они делали,

было для всех и, как бы мы сейчас сказали, — это была массовая культура. Остается загадкой, почему это искусство было на таком высоком эстетическом уровне. Возможно, это связано с тем, что люди тогда были наивны, чисты и богобоязненны.

Однако и тогда уже было элитарное искусство, рассчитанное на знатоков и любителей прекрасного, — я имею в виду ювелирные украшения. С течением времени искусство все более усложнялось, и в конце концов стало настолько трудно воспринимаемым, что большинство людей не реагирует на него адекватно. Сегодня различие между массовой культурой и элитарным искусством напоминает глубокую пропасть.

* * *

Принято считать, что художник в момент творчества не вправе думать о том, для кого он работает, кто будет его зрителем. Это справедливо лишь отчасти. Конечно, художник должен быть свободен в своем самовыражении, вплоть до того, что он вправе быть никому не нужным, кроме самого себя. Но когда создается монумент, который будет стоять на городской площади, нельзя не учитывать, что памятники людям и событиям устанавливаются лишь с одной целью — прославить их в веках. В демократической стране это должно быть желанием широкой общественности, именно она является заказчиком. Другое дело, что художник должен решать, браться ему за конкретный памятник или нет.

У меня было несколько случаев, когда я отказывался от работы по причинам личных убеждений. Однако большинство моих монументаль-

ных работ полностью совпадает с моими эстетическими и нравственными ценностями, более того, есть один памятник, который я сделал совсем без оглядки и вопреки общественному мнению. Это памятник Иосифу Дерибасу. И до сих пор меня ругают за него по разным причинам. Главная претензия заключается в том, что в фигуре нет значительности великого человека, и это сущая правда, потому что в этой работе меня интересовали совсем другие формальные и неформальные задачи.

Известно высказывание одного

знаменитого физика о том, что занятие наукой является не чем иным как удовлетворением своего любопытства за счет казенных средств. Как видим, в искусстве это опасно, хотя деньги были не казенные.

* * *

Полная свобода для меня наступает, когда я делаю скульптуру малых форм, — вот тут и происходит пресловутое самовыражение. Особенно меня интересует гротеск, парадокс, совмещение несовместимого.

Например, "Просвещение" — это женщина, читающая книгу, сидя на драконе; или "Обновление" — человек, прыгающий на колючках. В таких работах есть подтекст, второй смысл, который побуждает моего зрителя задуматься. Я говорю "моего", потому что я делаю скульптуру для своего зрителя, который понимает мою пластику и способ мышления.

Особый интерес для меня представляет рисунок. Я всегда стараюсь достичь выразительности с помощью минимума средств, желательно одним росчерком. Ничего лишнего, только главное. Это полигон идей и формальных поисков. Иногда несколько точно найденных скупых линий могут вызвать больший эмоциональный всплеск, чем тщательно проработанная форма.

* * *

Сегодня я начинаю понимать, что выражение "учитесь у природы" имеет не прямой, а очень широкий смысл. Разнообразие пластических форм в природе огромно и неисчерпаемо, нужно только научиться воспринимать сигналы, которые нам посылает окружающий мир. Не зря же массы японцев специально собираются, чтобы посмотреть на восход солнца над Фудзиямой или на цветение сакуры. Очевидно, они еще не полностью утратили первозданные инстинкты. Это особенно важно для тех, кто занимается творчеством.

Рисунки автора

